

УДК 159.9.07

DOI: 10.51944/20738528_2024_3_31

EDN: WVRACE

Е. В. Ким, В. В. Колпачников

**«Имплицитное определение себя» как гипотеза:
теоретические предпосылки и эмпирическое обоснование**

E. V. Kim, V. V. Kolpachnikov

**“Implicit Determination of the Self” as a Hypothesis:
Theoretical Background and Empirical Substantiation**

В статье представлено обоснование нового психологического понятия «имплицитное определение себя». Вначале приведены эмпирические данные, на основе которых с помощью метафорического анализа выведен интересующий нас феномен; затем проведен теоретический анализ семантического поля с целью встроить новый феномен в существующую теоретическую систему и выявить его границы и пересечения со сходными феноменами. В результате сформулирована рабочая дефиниция «имплицитное определение себя», определены объем и содержание данного понятия в соотнесении со схожими понятиями, показана его роль в формировании субъективного образа мира человека.

Ключевые слова: имплицитное определение себя, феноменология, образ мира, метафора, Я-незнаемое.

1. Предпосылки постановки проблемы исследования

В данной статье описываются теоретические предпосылки и эмпирическое обоснование введения в психологическую науку понятия «имплицитное определение себя». Оно является концептуализацией феномена, описанного нами в ходе исследования «Феноменология сплита “Я и мое тело”: опыт автоэтнографии» [10]. Суть полученных результатов можно сформулировать следующим образом: при рефлексии отношений «Я» и «тела» в феноменологическом поле происходят два параллельных процесса — эксплицитное и имплицитное определение себя относительно каждого из

релевантных феноменов, наблюдать за которыми мы можем через метафоры [11].

Практически одновременно с этим в работах В. В. Колпачникова было разработано понятие «субъективный образ мира» как интрапсихическая конструкция, перестраиваемая и поддерживаемая в течение всей жизни и включающая в себя совокупность представлений человека о мире и о себе. Разумеется, концептуализация этого понятия происходит с опорой на термин «образ мира», введенный А. Н. Леонтьевым [15] и понимаемый главным образом как постоянный фон, «который предваряет любое чувственное впечатление и на основе которого последнее только и может приобрести статус составляющей чувственного образа внешнего объекта» [27, с. 61]. То есть при взаимодействии с реальностью человек не исключается из нее, а, напротив, является образующей ее частью. И для взаимодействия с этой большей реальностью он использует в качестве инструмента образ мира как динамическую многоуровневую систему гипотез, «которые непрерывно генерируются человеком навстречу миру» [28, с. 10]. Поэтому, говоря о субъективном образе мира, нам важно помнить, что «всякий психический факт — это и кусок реальной действительности, и отражение действительности не либо одно, либо другое, а и одно, и другое» [23, с. 10]. Необходимо отметить, что для конкретного человека его субъективный образ мира всегда обладает «статусом реальности, онтологичности» [12, с. 10]¹.

В данной статье мы делаем шаг в направлениях, заданных этими двумя векторами (исследования определения себя и субъективного образа мира), и выдвигаем гипотезу о том психическом процессе, который лежит в основе формирования представлений человека о мире и об образе мира, о себе и о взаимодействии с другими, как процессе имплицитного определения себя, выводя его тем самым из сферы исключительно психофизического самоопределения в полновесный процесс, влияющий на весь субъективный образ мира человека.

В то время как проблема самоопределения уже давно привлекает внимание ученых [32], мы предполагаем, что имплицитное определение себя — не обусловленное возрастом или образовательной деятельностью — оказывает не меньшее влияние. Сегодня, когда, с одной стороны, в сфере

¹ Понятие «субъективный образ мира» разрабатывается в тесной связи с формированием понятия «индивидуальный жизненный мир» как «сложная чувственно-практическая и знаково-символическая реальность, в которой протекает жизнь человека» [12, с. 10].

распространения информации разработаны и уверенно применяются разнообразные техники влияния, а с другой — мир изменяется с огромной скоростью, способность определения себя человеком является не только залогом успешного полного функционирования самого человека [20; 21], но и фундаментом здорового общества.

2. Конструирование объема и содержания понятия «имплицитное определение себя»

2.1. Содержание и границы понятия «самоопределение»

В западноевропейской и американской психологии самоопределение рассматривается как процесс самоидентификации, то есть уподобления себя значимым другим или группам [2]. С опорой на это понимание исследователи выявляют два противостоящих представления о самоопределении [6].

В рамках символического интеракционизма самоопределение понимается как осознание индивидом своей уникальности и отличия от других. Структуралистская трактовка, напротив, фокусируется на идентификации человека с социальным окружением, определении себя через других. Таким образом, в первом случае самоопределение сводится к формуле «Я не есть другие», а во втором — «Я и есть другие, Я определяю себя через других».

В работах отечественных авторов понятие «самоопределение» подробно исследовано в области как психологии (К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн, В. В. Столин и др.), так и философии (В. А. Андрусенко, М. М. Бахтин, И. А. Беляев, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, И. Т. Фролов и др.), социологии (В. И. Журавлева, М. Н. Руткевич, Л. В. Сохань, М. Х. Титмы и др.), педагогики и профессиологии (Б. М. Бим-Бад, Л. И. Божович, И. С. Кон и др.).

Все разнообразие вариантов понимания можно свести к двум основным группам:

1. Одну (и большую) часть определений можно объединить следующим положением: самоопределение есть высшая функция личности, присущая социально зрелому, осознающему себя человеку. Самоопределение трактуется как центральный механизм становления личностной зрелости, осознанный выбор человеком своего места в социальных отношениях [18]. При этом

самоопределение понимается как процесс становления, имеющий условные начало и завершение. Ряд ученых связывают самоопределение с задачами юношеского возраста, когда происходит ролевое, социальное и профессиональное самоопределение, позволяющее молодому человеку войти в социум и закрепиться в нем [3]. Завершение самоопределения ассоциируется с выбором единой и окончательной линии поведения [29]. Критериями самоопределившейся личности выступают осознание своих качеств, понимание общественных требований и нахождение баланса между ними [26].

2. Вторая группа определений делает акцент на проактивности субъекта: по С. Л. Рубинштейну [24] детерминация, преломленная через внутренние условия, становится самодетерминацией; М. Г. Гинзбург утверждает, что самоопределение есть «обретение человеком своего ценностно-смыслового единства и его реализация» [5, с. 45]; К. А. Абульханова-Славская развивает эту мысль: для самоопределения личность должна осознать свою позицию «внутри координат системы отношений» [1, с. 155]; А. В. Петровский [19] противопоставляет проявленность самоопределения в осознаваемых волевых актах и неосознаваемые установки внушаемости.

Таким образом, можно резюмировать, что ключевыми характеристиками самоопределения являются: осознанность, детерминированность, возникновение на определенном этапе онтогенеза.

2.2. Феноменологическое содержание имплицитного определения себя

Данная работа построена в логике индуктивно-абдуктивного подхода, предполагающего создание теории на основе анализа эмпирических данных [4]. Эмпирические данные были получены в ходе исследования феномена определения себя в отношениях «Я» и «тела» и верифицированы на различных жизненных реалиях [11]. Анализ данных показал, что, помимо процесса самоопределения, в психической реальности человека присутствует еще один процесс — имплицитного определения себя — наличия неосознаваемого содержания, которое оказывает влияние на отношения «Я» и «тела» вне зависимости от степени осознанности. В поисках более точного выражения нашего понимания этого феномена мы прибегаем к помощи метафоры, которая является одним из ключевых инструментов в нашем исследовании и позволяет зафиксировать феноменологию этого процесса.

Рассмотрим несколько примеров из материалов, собранных в рамках исследования феноменологии отношений «Я» и «тела» (метод глубинных интервью):

Пример 1. ИмPLICITное определение себя через метафору «часть»

Важно отметить, что отношения «Я» и «тела» — это лишь экспириентальное поле, наблюдая за которым нам удалось уловить феномен имPLICITного определения себя. Сфера же его влияния куда шире, а еще точнее, всеобъемлюща. Мы предполагаем его влияние на весь субъективный образ мира человека. Рассмотрим это через пример ярко проявленного имPLICITного определения себя, взятый из глубинного интервью и выведенный на основе метафоры «часть».

Проанализировав текст интервью 1, мы обнаружили два ведущих метафорических ряда: «единство» и «раздельность», проявленных в рассуждениях на самые разные темы. Отметим, что, хотя тема интервью была обозначена, специфика проводимой работы оставляла за респондентом абсолютную свободу в направлении развития этой темы. В результате рефлексия респондентов беспрепятственно выходила в самые разнообразные сферы, как напрямую связанные с телесностью, так и условно не относящиеся к заданной теме.

Итак, «единство» является эксплицитным определением респондента и подтверждено не только прямым заявлением: «Я могу быть соединенностью», но и многочисленными случаями применения этой метафоры в описании различных феноменов. Например, при описании восприятия реальности: «Я могу соединиться со своим опытом глубже, когда я его называю и проговариваю»; при описании проживания эмоций: «Когда я спокойна, я соединяюсь с центром» (показывает на живот). К этому же метафорическому ряду мы относим метафору «связь», проявленную в самых разнообразных высказываниях. Например: «Доверие мудрости тела я связываю с доверием к жизни».

При этом метафорический ряд «раздельность» в эксплицитном определении себя не представлен, но проявлен в тексте интервью не менее ярко и многогранно. Например, в рассуждениях о языке: «То, как я училась использовать определенные слова с детства и как вокруг их очень многие

люди используют, само по себе и есть разделение» или о теле: «Мы разделяем себя и тело».

К этому ряду мы относим и метафору «разбивать», использованную при описании страха потери контроля как воображаемой ситуации: «Я боюсь потерять контроль. И может случиться все что угодно как раз. Я не знаю, я разобью себе голову». Устойчивое выражение «разбить голову» в большинстве случаев не подразумевает разделение головы на части, а скорее подразумевает удар. Тем не менее в своей работе мы обращаем пристальное внимание именно на такие стертые метафоры² [13; 14], поскольку в поисках доступа к имплицитному, скрытому от сознания самого человека определению себя мы обращаемся именно к таким словам, сказанным, возможно, без тщательного подбора и обдумывания. Выражение «разбить голову» — яркий пример того, как привычное словоупотребление выходит на первый план, закрывая собой его другое, «стертое», семантическое значение — «разделять на части». При этом вместо слова «разбить» легко можно представить другое, не подразумевающее разделения: «ударить», «пробить», «травмировать», «поранить», «расшибить» — каждое из которых привело бы нас к формированию другой метафоры. В нашем же случае мы выходим на метафору «часть», использованную респондентом для выражения мыслей в самых разных областях. Это и части тела: «Это вот есть тело, есть части тела — моя рука, моя нога, и есть как будто бы я». И описание внутренних процессов: «Я как будто ругала какую-то часть себя». И размышление о том, что «есть люди-прилагательные, есть люди-существительные и есть люди-глаголы», то есть люди — это тоже части — части речи. Даже в самой структуре интервью респондент выделяет «две важные части».

Мы также дополняем эту метафору рассуждением респондента об особенностях своей речи и использовании слова «частица» («Заменять все, что с “лось” и другими возвратными частицами, на что-то, что “я” делает») и вводного слова «в частности». В обоих случаях семантическое значение «части» стерто. Однако легко видеть, что «частица» — это термин, обозначающий часть, а вводное слово «в частности» указывает на отношения между частями высказывания [7; 22]. Эти «стертые» элементы метафоры не менее, а возможно, и более значимые инструменты для экспликации имплицитного определения себя.

² Стертая метафора по Дж. Лакоффу разновидность метафоры, утратившей семантически мотивированные связи значений.

Таким образом, мы видим, что метафора «часть», с одной стороны, не осознается респондентом, а с другой — регулярно и многогранно проявляется в его вербальных высказываниях. Это дает нам основания говорить об имплицитном определении себя как «части» для этого респондента.

Пример 2. Имплицитное определение себя через метафору «удар»

Конечно, проводя анализ большого объема материала, мы сталкивались с тем, что в нем встречается не одна метафора, а при внимательном рассмотрении десятки метафорических рядов. Среди них мы выделяем эксплицитные, сказанные о теле напрямую. Например, метафора «дом» высказывается респондентом эксплицитно: «Тело — это твой дом», но уже за несколько минут до этого эта метафора начинает выстраиваться на таких имплицитных смыслах, как переезд: «...хотелось бы переселиться в другое тело» или выход: «...желание выпрыгнуть из окна», то есть выбраться из дома, который не нравится.

Метафора «тело — это машина для исполнения моих желаний» подтверждается такими оборотами: «Я переключаюсь в другое состояние», «...эмоции можно отключить» и «...включилось мое воображение». Респондент дает еще несколько эксплицитных метафор, но в нашей настоящей работе нас больше интересуют метафоры, выражающие имплицитное определение себя, то есть не высказанные напрямую, но создающие определенную картину посредством использования тех или иных слов, когда респондент даже не пытается создать образ, старается наиболее точно выразить себя.

Такой метафорой стал «удар». Во время интервью респондент использовал этот образ для выражения самых разных ситуаций. Это рассказ и о своих действиях: «Я могла себя, там, ударить или дернуть за волосы», и о способах совладания со своей злостью: «Можно подушку ударить», и о способах достижения успеха: «И я все время добивалась. Школу я добивалась», а чтобы добиться — нужно себя «собрать в кулак». Через эту же метафору выражены и отношения с окружающими: «Я периодически получала по мозгам от одноклассников», и отношения с собой: «Заставить себя — это прямо приковать и — плеткой его».

Интересна работа с личными особенностями в словоупотреблении, в результате которой стало очевидно, что и работу, о которой респондент

говорит много и увлеченно, используя слово «фигачить», он сравнивает с избиением. Так, в своем интервью он использует однокоренное слово в значении «разбить»: «Хочется вообще этот столб расфигачить».

Возвращаясь к имплицитному определению себя, мы предполагаем, что одно из имплицитных определений себя у данного респондента — это «участвующий в избиении», как в роли жертвы, так и в роли агрессора. Хотя и многогранная, но данная метафора неявная, и требуется внимательный анализ текста, чтобы ее выявить. При этом все эти слова и выражения, рассеянные по всему разговору, не создают агрессивного впечатления, это вполне мирная дискуссия, в которой респондент открыто и с любопытством исследует собственные отношения «Я» и «тела». Однако не остается сомнений, что подобное определение себя не может не отражаться на психологическом благополучии респондента и вносит определенные трудности как в его личную жизнь, так и в социальное взаимодействие.

Исходя из того, что метафора не только является признанным методом диагностики и инструментом познания себя, помогающим «трансформации структуры знаний из “неизвестного” в “известное”» [25, с. 150], но и играет существенную роль в созидании, моделировании человеческой личности [8], мы рассчитываем, что выявление имплицитного определения себя и перевод его в эксплицитное могут способствовать повышению качества жизни и более полному функционированию.

В каждом из приведенных примеров мы видим как эксплицитное, так и имплицитное определение себя, которые могут согласовываться, а могут противоречить друг другу.

Важно заметить, что данные примеры взяты нами из материалов исследования отношений «Я» и «тела», собранных задолго до формулирования самой идеи имплицитного определения себя и потому имеющих очень конкретный фокус на психофизическом аспекте определения себя. Теперь же мы делаем еще шаг вперед в заданном направлении и предполагаем, что эксплицитные самоопределения и имплицитные определения себя существуют не только в отношениях «Я» и «тела», они являются неотъемлемой частью психической жизни человека, играя ключевую роль в создании субъективного образа мира. Уже сейчас нами ведется лонгитюдное исследование, в рамках которого мы планируем наблюдение за

эволюцией имплицитного определения себя, а также за динамикой экспликации имплицитного содержания в ходе этого исследования.

3. Соотношение понятий «самоопределение» и «имплицитное определение себя»

Выстраивая данную работу в индуктивно-абдуктивном ключе, за отправную точку исследования мы берем результаты феноменологического анализа, приведенного в предыдущем подразделе, и тогда нашими данными становятся теоретические концепты, выстраивающиеся вокруг феномена «имплицитное определение себя».

В первую очередь необходимо проявить отношения между «эксплицитным самоопределением» и «имплицитным определением себя», что обусловлено риском их смешения — и на почве схожести звучания, и по причине тонкого разделения, лежащего в области осознанности/неосознанности производимого действия. Рассмотрим несколько гипотез, сменивших друг друга в процессе работы над концептуализацией данной проблемы:

1. Имплицитное определение себя и эксплицитное самоопределение есть последовательные стадии единого психического процесса. Эта гипотеза показала свою несостоятельность в связи с единовременным наличием в эмпирических данных и эксплицитных, и имплицитных содержаний, причем как по сходным, так и по совершенно различным семантическим линиям (например: «я исследователь» — эксплицитное содержание/«я — путешественник» — имплицитное содержание; «я — сын» — эксплицитное содержание/«я — неблагодарный» — имплицитное содержание). Следовательно, речь не о последовательных стадиях, а о параллельных процессах. Отсюда возникла вторая гипотеза:

2. Имплицитное определение себя и эксплицитное самоопределение — это два различных психических процесса, протекающих в психике параллельно. Однако для того чтобы назвать их параллельными процессами, необходимо выявить их функциональные различия. При более внимательном рассмотрении мы обнаруживаем функциональное единство процессов имплицитного определения себя и эксплицитного самоопределения, а именно действенное смыслообразование. Это дает основание для построения третьей

гипотезы об их соотношении, на которую мы и опирались при проведении нашего эмпирического исследования:

3. ИмPLICITное определение себя и эксплицитное самоопределение являются качественно различными стадиями (по критерию осознаваемости/неосознаваемости) одновременно протекающих в психике потоков действенного смыслообразования, идущих по различным (сосуществующим и пересекающимся) семантическим «руслам». Вслед за И. А. Беляевым и его коллегами-философами [31] мы полагаем, что одним из свойств самоопределения является процессуальность — развернутая протяженность во времени. То есть определение себя не заканчивается с достижением определенного возраста, а продолжается на протяжении всей жизни человека. Кроме того, оно не ограничивается ситуативной активностью, ролевым, социальным, профессиональным самоопределением, а идет глубже и затрагивает базовые аспекты жизни человека, в том числе и его полное функционирование³.

Отталкиваясь от определения А. В. Петровского [19], мы формулируем: самоопределение, проявленное в осознаваемых волевых актах, не только противостоит неосознаваемым внешним установкам внушаемости, но и находится в постоянном взаимодействии с внутренним неосознаваемым — имPLICITным — определением себя. Мы используем именно это понятие — «определение себя», для того чтобы отличить его от уже названных дефиниций, и понимаем его как действенное смыслообразование, конкретную деятельность психики, в процессе которой человек наполняет смыслом себя и окружающий мир — создает субъективный образ себя и мира. Но в отличие от эксплицитного самоопределения, деятельность эта осуществляется имPLICITно, то есть неосознанно и произвольно.

ИмPLICITное определение себя действует в бессознательной области психики, концептуализируемой как Я-незнаемое. В настоящее время разработка проблемы Я-незнаемого ведется в рамках общей персонологии Е. Б. Старовойтенко и В. А. Петровским: «Я-неизвестное — это еще не найденное “Я”, а также “Я”, еще не вошедшее ни в один из осознаваемых потоков жизни, ни в одно из жизненных отношений, не ставшее смысловым фокусом

³ Понятие «полное функционирование человека» введено Карлом Роджерсом для обозначения человека с «оптимальной психологической адаптацией, оптимальной психологической зрелостью, полной конгруэнтностью, полной открытостью опыту, полной экстенциональностью» [20, с. 178].

самоотношения, не влившееся в мир индивидуальных значимостей и не усилившее личностную субъектность» [30, с. 115].

Мы полагаем имплицитное определение себя как один из аспектов персонологического Я-незнаемого, с одной стороны, и как грань внутренней тенденции к актуализации, присущей человеку от рождения и являющейся ключевым мотивом в теории человекоцентрированного подхода, — с другой [16; 17; 20]. То есть под влиянием тенденции к актуализации человек естественным образом стремится к выходу за пределы себя «знаемого» в поисках нового определения себя — нового предела себя. Это и проявляется через имплицитное определение себя, которое позволяет нам заглянуть за ту черту, за которой «мы чувствуем, есть что-то такое, о чем сами не знаем, хотя оно и создается нами — новое “Я”, предлежащее будущему постижению» [30, с. 111].

Выводы

Во-первых, в нашей работе мы вводим понятие «имплицитное определение себя» и даем ему дефиницию: действенное смыслообразование, конкретная психическая деятельность, в процессе которой человек создает субъективный образ мира и себя через имплицитное наполнение смыслом.

Во-вторых, мы отличаем его от самоопределения главным образом по критерию осознаваемости — неосознаваемости. Самоопределение — это эксплицитный осознанный волевой акт, будь то личное, профессиональное или гражданское самоопределение. Имплицитное же определение себя осуществляется неосознанно и непроизвольно.

При этом мы рассматриваем самоопределение и имплицитное определение себя как качественно различные стадии одновременно протекающих в психике потоков действенного смыслообразования, идущих по различным семантическим «руслам».

В-третьих, как следует из вводимой нами дефиниции, имплицитное определение себя является фундаментом субъективного образа мира, то есть человек живет в той реальности, которую создает через имплицитное определение себя.

В-четвертых, экспликация имплицитного определения себя может способствовать открытию новых областей Я-неизвестного и тем самым реализации более полного функционирования человека.

В-пятых, так как имплицитное определение себя имманентно присутствует во внутриличностном автопортрете человека и проявляется на когнитивно-вербальном уровне, вне зависимости от нашего осознания или волевого действия, то доступ к нему возможен через речь, а именно через анализ метафорических рядов, используемых человеком при описании собственной жизни.

Предложенный нами концепт «имплицитное определение себя» также является возможным объяснением работы нарративных практик и их связи с верхнеуровневой конструктивистской методологией, разработанной в философии и социологии. Действительно, любая конструктивистская теория опирается на то, что знание конструируется [9], а реальность нарративной практики демонстрирует, как это происходит в жизни конкретного человека. Наше исследование предлагает теорию среднего уровня, объясняющую психологический механизм, который стоит за этой работой.

Этот механизм мы зафиксировали феноменологически, дали ему название и первичное определение. Наша гипотеза для дальнейших исследований состоит в том, что через различные психологические практики (например, нарративные упражнения, свободное письмо, консультирование, психодраму и др.) ключевая метафора имплицитного определения себя может быть изменена, а вслед за ней изменится, будет сконструирован вновь и весь образ мира.

The article presents the substantiation of a new psychological concept “implicit determination of the self”. First, empirical data is presented, on the basis of which the said phenomenon is defined using metaphor analysis; then a theoretical analysis of the semantic field is carried out, in order to embed the new phenomenon in the existing theoretical system and identify its boundaries and intersections with similar phenomena. As a result of this work, the working definition of the concept “implicit determination of the self” is formulated, volume and content of this concept are defined in relation to similar concepts, and its role in the formation of the subjective image of the world is shown.

Keywords: implicit determination of the self, phenomenology, image of the world, metaphor, I-unknown.

Литература

1. Абульханова-Славская, К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. — 159 с.

Abul`xanova-Slavskaya, K. A. Vremya lichnosti i vremya zhizni / K. A. Abul`xanovaSlavskaya, T. N. Berezina. — Sankt-Peterburg : Aletejya, 2001. — 159 s.

2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — 3-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2006. — 672 с.

Bol`shoj psixologicheskij slovar` / pod red. B. G. Meshheryakova, V. P. Zinchenko. 3-e izd., pererab. i dop. — Sankt-Peterburg : Prajm-Evroznak, 2006. — 672 s.

3. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. — Москва : Просвещение, 1968. — 464 с.

Bozhovich, L. I. Lichnost` i ee formirovanie v detskom vozraste / L. I. Bozhovich. Moskva : Prosveshhenie, 1968. — 464 s.

4. Бусыгина, Н. П. Качественные и количественные методы исследований в психологии : учеб. для бакалавриата и магистратуры / Н. П. Бусыгина. — Москва : Юрайт, 2016. — 423 с.

Busy`gina, N. P. Kachestvenny`e i kolichestvenny`e metody` issledovaniy v psixologii : ucheb. dlya bakalavriata i magistratury` / N. P. Busy`gina. — Moskva : Yurajt, 2016. — 423 s.

5. Гинзбург, М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. — 1994. — № 3. — С. 43–52.

Ginzburg, M. R. Psixologicheskoe sodержanie lichnostnogo samoopredeleniya /

M. R. Ginzburg // Voprosy` psixologii. — 1994. — № 3. — S. 43–52.

6. Гололобов, И. В. Концепция самоопределения в западноевропейской философии Нового времени / И. В. Гололобов. — Москва : Московская высшая школа социальных и экономических наук (MSSSES) : University of Manchester, 1998. — 47 с.

Gololobov, I. V. Konceptsiya samoopredeleniya v zapadnoevropejskoj filosofii Novogo vremeni / I. V. Gololobov. — Moskva : Moskovskaya vy`sshaya shkola social`ny`x i e`konomicheskix nauk (MSSSES) : University of Manchester, 1998. — 47 s.

7. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики : Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : словарь-справочник / Т. В. Жеребило. — Назрань : Пилигрим, 2012. — 280 с.

Zherebilo, T. V. Terminy` i ponyatiya lingvistiki : Leksika. Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiya : slovar`-spravochnik / T. V. Zherebilo. — Nazran` : Piligrim, 2012. — 280 s.

8. Карачина, О. Е. Моделирующая роль метафоры / О. Е. Карачина // Международный научно-исследовательский журнал. — 2019. — № 5 (83), ч. 2. — С. 71–73.

Karachina, O. E. Modeliruyushhaya rol` metafory` / O. E. Karachina // Mezhdunarodny`j nauchno-issledovatel`skij zhurnal. — 2019. — № 5 (83), ch. 2. — S. 71–73.

9. Карицкий, И. Н. Конструирование миров / И. Н. Карицкий // Методология и история психологии. — 2018. — Вып. 1. — С. 5–14.

Kariczkiy, I. N. Konstruirovaniye mirov / I. N. Kariczkiy // Metodologiya i istoriya psixologii. — 2018. — Vy`p. 1. — S. 5–14.

10. Ким, Е. В. Феноменология сплита «Я и мое тело»: опыт автоэтнографии : дис. м-ра психол. наук : 37.04.01 / Ким Елена Владимировна. — Москва, 2018. — 124 с.

Kim, E. V. Fenomenologiya splita «Ya i moe telo»: opy`t avtoe`tnografii : dis. m-ra psixol. nauk : 37.04.01 / Kim Elena Vladimirovna. — Moskva, 2018. — 124 s.

11. Ким, Е. В. Человек самоопределяющийся: отношения «я» и «тела» как практика экологии жизни / Е. В. Ким // Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2023. — № 4 (56). — С. 144–159.

Kim, E. V. Chelovek samoopredelyayushhijsya: otnosheniya «ya» i «tela» kak praktika e`kologii zhizni / E. V. Kim // Chelovek : Obraz i sushhnost`. Gumanitarny`e aspekty`. 2023. — № 4 (56). — S. 144–159.

12. Колпачников, В. В. Деятельность по осмыслению жизненного опыта: статус, процесс и результат / В. В. Колпачников // Культурно-историческая психология. 2015. — Т. 11, № 1. — С. 7–12.

Kolpachnikov, V. V. Deyatel`nost` po osmy`sleniyu zhiznennogo opy`ta: status, process i rezul`tat / V. V. Kolpachnikov // Kul`turno-istoricheskaya psixologiya. — 2015. — T. 11, № 1. — S. 7–12.

13. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 792 с.

Lakoff, Dzh. Zhenshhiny`, ogon` i opasny`e veshhi : Chto kategorii yazy`ka govoryat nam o my`shlenii / Dzh. Lakoff. — Moskva : Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2004. — 792 s.

14. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

Lakoff, Dzh. Metafory, kotory`mi my` zhivem / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson. Moskva : Editorial URSS, 2004. — 256 s.

15. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — Москва : Политиздат, 1975. — 304 с.

Leont`ev, A. N. Deyatel`nost`. Soznanie. Lichnost` / A. N. Leont`ev. — Moskva : Politizdat, 1975. — 304 s.

16. Медоус, Э. Стратегическое будущее человеко-центрированного подхода / Э. Медоус // Журнал практического психолога. — 2012. — № 1. — С. 44–45.

Medous, E`. Strategicheskoe budushhee cheloveko-centrirovannogo podxoda / E`. Medous // Zhurnal prakticheskogo psixologa. — 2012. — № 1. — S. 44–45.

17. Медоус, Э. Человекоцентрированный подход в работе с организациями / Э. Медоус // Организационная психология. — 2014. — № 2. — С. 46–52.

Medous, E`. Chelovekocentrirovanny`j podhod v rabote s organizacijami / E`. Medous // Organizacionnaya psixologiya. — 2014. — № 2. — S. 46–52.

18. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. 3-е изд. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2009. — 527 с.

Pedagogicheskij e`nciklopedicheskij slovar` / gl. red. B. M. Bim-Bad. — 3-e izd. Moskva : Bol`shaya rossijskaya e`nciklopediya, 2009. — 527 s.

19. Петровский, А. В. Личность. Деятельность. Коллектив / А. В. Петровский. Москва : Политиздат, 1982. — 255 с.

Petrovskij, A. V. Lichnost`. Deyatel`nost`. Kollektiv / A. V. Petrovskij. — Moskva : Politizdat, 1982. — 255 s.

20. Роджерс, К. Р. Теория терапии, личности и межличностных отношений / К. Р. Роджерс // Ежегодник по консультативной психологии, коучингу и консалтингу. — Москва, 2016. — Вып. 3. — С. 130–199.

Rodzhers, K. R. Teoriya terapii, lichnosti i mezhlichnostny`x otnoshenij /

K. R. Rodzhers // Ezhegodnik po konsul`tativnoj psixologii, kouchingu i konsaltingu. Moskva, 2016. — Vy`p. 3. — S. 130–199.

21. Роджерс, К. Р. Путь бытия / К. Р. Роджерс. — Москва : Институт консультативной психологии и консалтинга, 2019. — 284 с.

Rodzhers, K. R. Put' by'tiya / K. R. Rodzhers. — Moskva : Institut konsul'tativnoj psixologii i konsaltinga, 2019. — 284 s.

22. Розенталь, Д. Э. Большой справочник по русскому языку / Д. Э. Розенталь. Москва : Оникс : Мир и образование, 2008. — 1008 с.

Rozental', D. E'. Bol'shoj spravochnik po russkomu yazy'ku / D. E'. Rozental'. Moskva : Oniks : Mir i obrazovanie, 2008. — 1008 s.

23. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 720 с.

Rubinshtejn, S. L. Osnovy` obshhej psixologii / S. L. Rubinshtejn. — Sankt-Peterburg : Piter, 2002. — 720 s.

24. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. Санкт-Петербург : Питер, 2003. — 512 с.

Rubinshtejn, S. L. By'tie i soznanie. Chelovek i mir / S. L. Rubinshtejn. — Sankt-Peterburg : Piter, 2003. — 512 s.

25. Саликова, Э. М. В. Трансформация метафорических репрезентаций жизненного пути личности в период самоизоляции у взрослых / Э. М. В. Саликова // Клиническая и специальная психология. — 2020. — Т. 9, № 2. — С. 147–160.

Salikova, E`. M. V. Transformaciya metaforicheskix reprezentacij zhiznennogo puti lichnosti v period samoizolyacii u vzrosly`x / E`. M. V. Salikova // Klinicheskaya i special'naya psixologiya. — 2020. — Т. 9, № 2. — S. 147–160.

26. Сафин, В. Ф. Психологический аспект самоопределения личности / В. Ф. Сафин, Г. П. Ников // Психологический журнал. — 1984. — Т. 5, № 4. — С. 65–73.

Safin, V. F. Psixologicheskij aspekt samoopredeleniya lichnosti / V. F. Safin,

G. P. Nikov // Psixologicheskij zhurnal. — 1984. — Т. 5, № 4. — S. 65–73.

27. Смирнов, С. Д. Образ мира как предмет психологии познания / С. Д. Смирнов // Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду психологов СССР. Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. Москва, 1983. — Ч. 1. — С. 60–62.

Smirnov, S. D. Obraz mira kak predmet psixologii poznaniya / S. D. Smirnov // Tezisy` nauchny`x soobshhenij sovetskix psixologov k VI Vsesoyuznomu s`ezdu psixologov SSSR. Kategorii, principy` i metody` psixologii. Psixicheskie processy`. — Moskva, 1983. Ch. 1. — S. 60–62.

28. Смирнов, С. Д. Образ мира в динамическом контроле неопределенности / С. Д. Смирнов, М. А. Чумакова, Т. В. Корнилова // Вопросы психологии. — 2016. № 4. — С. 3–13.

Smirnov, S. D. Obraz mira v dinamicheskom kontrole neopredelennosti /

S. D. Smirnov, M. A. Chumakova, T. V. Kornilova // Voprosy` psixologii. — 2016. — № 4. — S. 3–13.

29. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. — Москва : Изд-во МГУ, 1983. — 284 с.

Stolin, V. V. Samosoznanie lichnosti / V. V. Stolin. — Moskva : Izd-vo MGU, 1983. — 284 s.

30. Укрепление индивидуальной устойчивости и психологическое благополучие : 3 том доклада «Глобальный ландшафт исследований и перспективных разработок в области укрепления человека» / науч. ред. М. А. Чумакова. — Москва : Эгитас, 2022. — 130 с.

Ukreplenie individual`noj ustojchivosti i psixologicheskoe blagopoluchie : 3 tom doklada «Global`ny`j landshaft issledovaniy i perspektivny`x razrabotok v oblasti ukrepleniya cheloveka» / nauch. red. M. A. Chumakova. — Moskva : E`gitas, 2022. — 130 s.

31. Человек самоопределяющийся : монография / И. А. Беляев, В. В. Кашин, А. М. Максимов [и др.] ; под ред. И. А. Беляева. — Екатеринбург : УрАГС, 2004. — 108 с. Chelovek samoopredelyayushhijsya : monografiya / I. A. Belyaev, V. V. Kashin,

A. M. Maksimov [i dr.] ; pod red. I. A. Belyaeva. — Ekaterinburg : UrAGS, 2004. — 108 s.

32. Чистякова, С. Н. Актуальность проблемы профессионального самоопределения обучающихся в современных условиях / С. Н. Чистякова // Профессиональное образование и рынок труда. — 2018. — № 1. — С. 54–60.

Chistyakova, S. N. Aktual`nost` problemy` professional`nogo samoopredeleniya obuchayushhijsya v sovremenny`x usloviyax / S. N. Chistyakova // Professional`noe obrazovanie i ry`nok truda. — 2018. — № 1. — S. 54–60.